

ПУТИ РАЗВИТИЯ «МИНОРИТАРНОЙ» ЛИТЕРАТУРЫ: ПОЭЗИЯ НЕНЦА ПРОКОПИЯ ЯВТЫСОГО



Исследование многообразного этнокультурного наследия России – одна из первостепенных задач, потенциально важнейшее направление отечественной гуманитаристики. При этом литературные традиции народов нашей страны, являя собой уникальную цивилизационную целостность, духовное богатство, представляют значительный научный интерес. Остановившись на проблемах развития «миноритарной» литературы, контекстах ее обновления, необходимо подчеркнуть, что это – сложное и теоретически недостаточно осмысленное художественно-эстетическое, этнопсихологическое, языковое явление. Следует признать, что в настоящее время назрела потребность в фундаментальных исследованиях компаративного характера, разработке новых подходов к изучению близких и далеких культур, литератур, моделей мира.

В статье на примере стихотворных текстов ненецкого поэта Прокопия Явтысого рассматриваются реалии развития отдельно взятой «миноритарной» литературы на рубеже XX–XXI столетий. Дается краткое описание основных этапов становления ненецкой словесности, выделяется ряд ее ключевых особенностей, имеющих важное значение для разнородных типологических, компаративных исследований. Творчество П. Явтысого представляет собой комплекс художественных черт, кодов выразительности, характерных для многих литературных традиций малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока, имеются отдельные стадияльно-типологические переклички с финно-угорскими литературами России. В рамках статьи устанавливаются магистральные поэтологические приемы и контексты стихов Явтысого, определяются наиболее репрезентативные образно-символические пласты, сюжетно-ситуативные блоки, интерпретируется лингвопоэтическая составляющая. Подчеркивается глубинная генетическая связь поэтической системы ненецкого автора с фольклорно-мифологическими представлениями ненцев, поднимается вопрос о влиянии соцреализма на художественную риторику П. Явтысого. В структуре статьи отдельное место занимает проблема перевода произведений ненецкого автора на русский язык.

Ключевые слова: «миноритарные» литературы, ненецкая поэзия, традиционная культура, стадияльно-типологические параллели, компаративистика, образная система, мотив, лирический субъект, художественный перевод, картина мира, фольклорно-мифологические символы, этноландшафт, поэтическая выразительность, феномен визуального, социалистический реализм, наив.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-623-632

Одним из актуальных направлений мировой, российской гуманитаристики должно стать исследование путей развития «миноритарных» литератур. В рамках советского литературоведения данная проблема частично была затронута. Однако социалистическая идеология способствовала разработке преимущественно «интернационалистских» подходов к рассмотрению специфики национальных литератур, интенсивно выявлялись аспекты их общности, близости, похожести, когда вопросы разности, отличности поднимались значительно реже. Советский литературоведческий опыт применительно к литературам народов СССР, России, вне сомнения, должен быть переосмыслен с учетом новых теоретико-методологических возможностей гуманитарного знания.

Примечательно, что «миноритарные» литературы как чрезвычайно интересный, многогранный социокультурный и литературно-художественный феномен не стали объектом концептуальных теоретических изысканий на Западе. Общие установки на этнокультурную унифицированность западного социума приводят к возникновению определенных теоретико-методологических барьеров. Внутри западного гуманитарного сообщества, по-видимому, всё меньше внимания уделяется региональному компоненту – на первый план выходят проблемы «внешней угрозы», прежде всего – ментально-конфессиональной, культурной, социальной. «Миноритарные» литературы современной Европы, существующие и развивающиеся в контексте доминирующего «другого» языка, культуры, – баскская, бретонская, шотландская, ливская и др. – являют собой зону культурного, языкового сопротивления и представляют большой интерес для науки, разностороннего гуманитарного изучения.



«Малые» литературы, разумеется, не ограничиваются только Европой. На каждом континенте есть уникальные литературно-художественные традиции, сохраняющие свою этнокультурную самобытность, защищающие язык и при этом вступающие в диалог (спор?) с «большой» литературой, доминирующим в сообществе языком. Несмотря на географические дистанции, административно-территориальные деления, различное этногенетическое происхождение, этнолингвистическую несхожесть, «миноритарные» литературы имеют немало общего в процессе становления, самообретения, «выживания». И именно эти закономерности литературно-художественной эволюции до настоящего времени подробно, детально так и не рассмотренные, обещают быть важнейшим аналитическим ключом к решению многих типологических задач, сформулированных и несформулированных наукой. Ребенок довольно быстро начинает правильно говорить, складывает словосочетания и целые предложения, не зная грамматических законов – он чувствует зов языка, подчиняется убедительной силе коммуникации. Значительно позже, осваивая регламентированность языковой жизни, человек начинает испытывать некоторые затруднения, делать неточности, допускать «неправильности», настаивать на своем. По похожему сценарию зарождается и живет «малая» литература – почти интуитивное принятие, угадывание многих сложных культурных форм сменяются некой робостью перед предельно семиотизированными интеллектуальными сферами, неуверенностью в их деталях, нюансах.

Следует оговорить, что классифицирование литератур на «большие» и «малые» является условным. В «миноритарной» литературе может произрасти выдающийся художник слова. Рассуждая о конфигурациях развития «миноритарных» литературных систем, нельзя не заметить их интенсивное стремление освоить опыт литератур «больших», отягощенных своей многовековой историей. Вместе с тем «малые» литературы ценны для общемировой культуры именно своей глубинной самобытностью, «неиспорченностью» цивилизацией.

В настоящей статье предпринята попытка описать, проанализировать особенности художественного мира известного ненецкого поэта Прокопия Явтысого, представляющего одну из самобытных, самодостаточных «миноритарных» литератур. В статье мы учитывали отдельные наработки отечественных и зарубежных исследователей, посвященные обозначенному феномену духовной культуры [Жулева, 2014, 2015; Казакова, 2012; Пошатаева, 1988; Султанов, 2001, 2007; Хазанкович, 2009; Aulestia, 1982, 1995; Carrillo, 1986; Deleuze, Guattari, 1986; Espino, 1999; Webster, 2004].

Ненецкая литература, в отличие от некоторых других «миноритарных» литературных традиций народов России, представлена достаточно большим количеством писателей, достаточно разнообразной системой жанров. Относительно зарождения ненецкой литературы существуют разные точки зрения, однако чаще всего некоей «точкой отсчета» считается 1932 год – год издания ненецкого словаря «Jadei wada» («Новое слово»). Для ненецких писателей характерно ненецко-русское двуязычие, хотя в истории этой литературы имеются примеры, когда писатели творили только на родном языке. Яркие представители ненецкой словесности – Н. Вылка, Л. В. Лапцуй, В. Н. Ледков, Л. Ненянг, А. П. Неркаги, А. П. Пырерка, П. А. Явтысый, Ю. Вэлла. В начале XXI столетия обострилась проблема ассимиляции – молодые ненцы в большинстве своем не владеют языком предков. В то же время на сегодняшний день сохраняется относительно стабильное ненецкое языковое пространство (примерно 20 тысяч носителей), обеспечивающее национальному литературному процессу минимальное поступательное развитие.

Прокопий Андреевич Явтысый (1932–2005) олицетворяет собой особую модель творческой биографии, характерной для писателей, представляющих «миноритарные» литературы народов России. Родившись в семье оленеводов, со школьных лет Явтысый писал стихи. Однако его путь в литературу был долгим и тернистым. Он получил педагогическое образование, в течение многих лет работал в школе учителем физкультуры, был организатором лыжных переходов, готовил профессиональных спортсменов. И всё же в итоге литература, творчество, культура становятся основными измерениями жизни Прокопия Явтысого. Очевидно, что и в данном случае срабатывает закон «мультипликативности» самовыражения, общий для многих национальных литератур. П. Явтысый не только пишет стихи, публикуя многочисленные поэтические сборники – он создает учебники для национальных школ, из-под его пера выходят прозаические произведения и публицистические тексты. Со временем он ожидаемо становится ненецким духовным лидером: избирается на почетные должности, ему присваиваются различные звания, премии, наконец, он представляет ненцев на крупных отечественных и зарубежных культурных форумах и научных конференциях. В конце 1980-х гг. П. А. Явтысый обретает известность как талантливый художник-график: его работы экспонируются на выставках разного уровня.



Жизнетекст П. Явтысого еще раз подтверждает сентенцию о том, что в «миноритарных» литературах происходит расширение профессионально-творческих компетенций и социокультурных стратегий национального писателя. Он становится не только писателем, но переходит на иные уровни репрезентации и внутри этноса объявляется просветителем. Еще при жизни было издано несколько поэтических сборников Явтысого на ненецком и русском языках [1977, 1991, 1996, 2007].

На наш взгляд, Прокопию Явтысому не очень повезло с переводчиками. Большинство его текстов, переведенных на русский язык, весьма далеки от оригинала. Ненецкий язык – сложный агглютинативный, обладающий гибкими словообразовательными ресурсами, богатыми возможностями рифмовки, выразительными звуковыми особенностями. Художественный перевод с ненецкого (и других языков народов Севера) – это задача многоаспектная, успешность ее решения зависит от ряда важных факторов. Переводчик должен иметь не только детальное представление об устройстве языка, но и в определенной степени быть погруженным в национальную культуру. Иначе говоря, за переводом стоит серьезная культурологическая работа, обеспечивающая качество «отражаемого» текста. В отношении творчества П. Явтысого срабатывает другой – распространенный в российских переводческих практиках – сценарий. Переводчики (в первую очередь – Владимир Гордеев, в большом количестве переведивший Явтысого) относились к исходным стихотворениям несколько пренебрежительно. Почти каждый русскоязычный вариант не совпадает с оригиналом ни по количеству строф, строк, ни *sub sresie* образно-символической составляющей. Речь идет не об адекватном воспроизведении иных – более специализированных, закрытых от внешней оценки – пластах поэтики. Заметны несовпадения стилистические и психоэмоциональные. «Сглаженный», ровный эмоциональный фон поэзии Прокопия Явтысого, некоторый аскетизм его лирической выразительности в переводах Гордеева утрачен. Напротив: ненецкий поэт предстает в них многословным, пафосным, устремленным к текстовым «длиннотам»; нередко редуцируются мифологические контексты. Как пример несоразмерности оригинального текста и его переводческой вариации приведем стихотворение «Харн” вадин» / «Родной язык»:

*Хар”н вадин
Цэрм` мерця”
нидо` ухаха” ханаңгу”
Хад” нидо`
сыра` ыыл`
пили” нули” тондаңгу”
Вын нимня
харпдарев`
ялуворна” вэнаңга”
Мяд” тунэ
муну” на”
ясабарна” пенаңга”*

[Явтысый 2007, 6]

Мой
ненецкий
язык
сильней ветров полярных,
и голос мой
метели не сотрут.
Соцветиями северных сияний
мои слова
над тундрой плывут.
Горят кострами
у далеких чумов,
и над стадами
в песнях пастухов
несут они
возвышенную думу

моей земли
до самых облаков.

[Явтысый 2007, 30]

(перевод Владимира Гордеева)¹

Переводчик, живущий в Подмосковье, не всегда учитывает ненецкие реалии переводимого стихотворения. Он оперирует категориями русского фольклора («беру жарптицево перо и опускаю в серебро»), используя нехарактерные для стиля Явтысого «возвышенные» глаголы русской художественной концептосферы («чтоб Словом боль Души *врачуя*, не ждали исцеленья вдруг...»), стремится придать текстам ненецкого автора языковые оттенки разговорности, обиходности (актуализация форм на *-nye*, союзы *чтоб*, *среди* и т.д.). Регулярно при переводе расширяется текстовый объем, перманентно наблюдается включение отсутствующих в оригинале образных элементов.

Одна из ключевых тем поэзии Прокопия Явтысого – тема дружбы, родства ненцев и русских. Подобная тематическая манифестация характерна для национальных литератур народов России, как своеобразное эхо культивируемой соцреализмом дружбы народов, как некий художественно-идеологический штамп советского социального дискурса. Нередко в литературных произведениях, написанных на национальных языках, можно отыскать примеры разделения этносов на «старших» и «младших». Констатация родственно-дружеских связей русского и других народов СССР (России) обычно сопровождалась благодарственными интонациями: писателю необходимо было подчеркнуть особое значение русской культуры, русского языка в процессе становления национальной словесности. Цикл П. Явтысого «Моему русскому побратиму» лишь частично вписывается в этот риторико-литературный контекст. В данном случае поэт уходит от очевидной сюжетной модальности, ожидаемо возвышенной «температуры» поэтического повествования. Во всех пяти текстуальных фрагментах цикла нет ни выраженной признательности русскому другу/брату, ни этнического самопринижения. В целом, образ русского побратима у Явтысого лишен какой-либо конкретики национальной самоидентификации, заявленная заглавием тема не получает убедительного раскрытия. Лирическое *Я* обращается к побратиму на *Ты*: для субъекта ненецкого этнофора это общение на равных, русский этнофор в цикле остается без самостоятельного голоса: «Не грусти, дружище, не грусти, / Взгляд не прячь во тьму печали... / Ты припомни искры жарких встреч, – / Расцветала даль стихами...» [Явтысый 2007, 18]. Разделенность на *Я* и *Ты* в одном из стихотворений цикла сменяется лирическим *Мы*-позиционированием: «Наша жизнь течет рекою... / Мы с тобою в лодке дней / Правим сильную рукою, / Машем веслами дружной, / Все печали гоним прочь!» [Явтысый 2007, 19].

Обращает на себя внимание оптимистическая, игровая тональность стихотворения, привнесенная переводчиком и контрастирующая с оригиналом. Пожалуй, только эти приводимые строки весьма объемного цикла: в какой-то степени иллюстрируют тему дружбы двух народов. Цикл представляет собой малосвязанные с точки зрения сюжетно-смысловой когерентности тексты. Их содержание ускользает от литературоведческой фиксации: это поток сознания, внутренняя речь не столько поэта, сколько переводчика. Вместо передачи семантических нюансов исходного стихотворения переводчик повышает градус экспрессии лирического высказывания ненецкого поэта, увлеченно подбирая броские образные сочетания (например – *совы бессонниц*), чуждые поэтической картине мира П. Явтысого.

Соцреалистическое сознание переводчика проявлено также в стихотворении «Российский букет» о дружбе народов. Этот текст (и особенно его русскоязычное «перевоплощение») представляется архетипичным для обыгрываемой темы, т.е. написанным в духе советской риторики: «Дороги и реки, крик стаи гусиной / И топот оленей, везущих аргиш, – / Мой ненецкий край, на груди у России, / Полярной звездой ты ярко горишь. / Два наших народа сошлись на рассвете: / Во взглядах улыбка и дружбы исток... / С тех пор и навеки в российском букете / Сияет морошковый белый цветок...» [Явтысый 2007, 96].

В творческом наследии П. Явтысого есть стихотворения, в которых отмечена формирующая роль русской литературы и языка. Русская поэзия воспринимается автором как недостижимая высота духовности, она связана с осознанием культурного величия Родины: «Я с Пушкиным в поэзию влюбился. / С Есениным – Россию полюбил. / Казалось мне – я многого добился, / А оказалось – подмастерьем был...» [Явтысый 2007, 28].

¹ Тексты П. Явтысого, за исключением отдельных случаев, в которых указывается фамилия другого переводчика, цитируются в переводах Владимира Гордеева.



Прокопий Явтысый ищет ответы на вопросы: что такое поэзия? каковы ее тайны? законы создания? возникновения? Для него миры поэзии сродни шаманским мистериям. В поэтическом слове проявляется языковая память народа, преломляется его духовная культура. Поэзия – белый лист бумаги, манящий неизвестностью: «Я гляжу на лист бумаги / Как на тундровый простор... / Сколько нужно сил, отваги, / Чтобы слов разжечь костёр? / Так писать, чтоб грело слово, / Чтобы мысль была остра, / Чтоб усталый путник снова / Шел погреться у костра? / Как писать, чтоб фразы-маги / Мир творили новизной?...» [Явтысый 2007, 16]

Поэзия для П. Явтысого как итог многолетнего созерцания северной природы и жизни людей Севера, она вбирает в себя опыт наблюдений и переживаний, человек приходит к ней сквозь/спустя годы: «...Перед тундрой большою / Я тайком растил мечту. / Чутким сердцем и душою / Ощущая красоту. / А когда уже с годами / Поумнела голова, – / Ощущения все сами / Переплавились в слова...» [Явтысый 2007, 17].

Таким образом, для него искусство поэзии – это и импровизация, непредсказуемость лирической мысли, слова, и – результат рефлексии: собранные за долгие годы знания и впечатления, переплетение чувственного и рационального мировосприятия.

Лирическое Я в стихотворении «Поэту» говорит о разных сценариях вхождения в литературу. Одним удается достаточно быстро заявить о себе, найти себя, прозвучать в пространстве словесности, получить признание. Другим это дается с большим трудом и с опозданием. Текст отсылает к жизни самого поэта, связавшего свою судьбу с литературой окончательно только в зрелом возрасте: «Ты рано вышел в путь / и сделал много: / во всем, за что ни брался, / преуспел. / А я с трудом / ищу свою дорогу: прошел я мало, / мало песен спел...» [Явтысый 2002, 99] (перевод А. Преловского).

Почти у каждого национального писателя есть своя река, у Прокопия Явтысого – это Печора. Вообще реки относятся к ключевым образным доминантам художественной реальности, являя собой своеобразные «стержни» пространства и – нередко – границы миров, этнические маркеры. Ненецкий поэт отказывается от прямой этнической «эмблематизации» реки. Для него Печора – важный биографический топос: место, где можно побыть наедине с самим собой, принять непростое решение, услышать внутренний голос: «Спит Печора. / А снег – голубой и глубокий... / Весь открытый ветрам на крутом берегу / Вновь брожу я один, как олень одинокий, – / Осторожный и чуткий на каждом шагу...» [Явтысый 2007, 76]. Печора в стихотворениях П. Явтысого ожидаемо очеловечивается. Настроение реки изменчиво, ее глаза могут быть разного цвета: «Не пойму я что-то сразу, / Почему моя река: / Зимним днем – зеленоглаза, / Летним днем – голубоглаза, – / В синем взгляде – облака...» [Явтысый 2007, 80].

Лирический герой, наблюдающий за жизнью реки, – носитель особой ментальности созерцания, характерной для многих народов Севера и Дальнего Востока России. Художественная визуализация ландшафта и явлений природы, на наш взгляд, как форма проявления этнического мировоззрения.

Прокопий Явтысый обращается в своих стихотворениях и к персонажам ненецкой мифологии. Это практически неизбежный для национального автора художественный сценарий. Поэтическая актуализация фольклорно-мифологических контекстов, с одной стороны, соотносима с сильными мировоззренческими позициями традиционной культуры в жизни, повседневности ненецкого этноса. С другой, система мифологических «имен» почти всегда добавляет авторскому высказыванию оригинальности. При этом речь может идти о разной глубине лирического возвращения к истокам, моделям исконного этнического мировидения. Чаще это достаточно поверхностная активация символов, своего рода – их поэтическое упоминание. Значительно реже встречаются тексты, в которых происходит авторское осмысление отдельных элементов фольклорно-мифологической картины мира народа, когда писатель включает в структуру произведения образы, лексемы с «живой» мифологической семантикой, корреспондирующей с обрядовой процессуальностью и т.д. Очевидно, что внутренние связи традиционных верований, представлений, фольклора, языка, художественного мышления очень часто утрачиваются при переводе на другой язык.

Прокопий Явтысый – поэт, для которого мифологический пласт является одним из средств поэтической изобразительности. Вместе с тем имеющиеся сюжеты обыгрывания мифологического отмечены значительной редуцированностью содержания. Реципиент, как правило, встречается только с именем персонажа, не получает сведений о его мифологических функциях.

Среди мифологических упоминаний в стихотворениях П. Явтысого встречаются упоминания Нума верховного бога ненцев: «Вновь созвездья взглядом рыси / Затаились в свете лунном... / Ширь небес и бездну выси / Ненцы звали богом Нумом. / И камлали, били в бубен, / Помощи себе просили,



/ Чтоб среди суровых буден / Их не покидали силы...» [Явтысый 2007, 38]. В приведенных строках очень сжато описывается обряд камлания, используется природная символика, создающая эффект таинственности происходящего. В цикле «Кипящие снега» фигурирует образ ненецкого злого духа Нга. В рассматриваемом стихотворении он своими обрядовыми действиями олицетворяет суровую северную зиму: «И, снова в медном чане, / Кипят, кипят снега... / Как будто варит зелье / Свирипой этой ночью / Дух смерти и болезней, / Мучитель тундры Нга! / Что варишь, Нга проклятый, / В своем буранном чане? / Кому готовишь зелье – / Для друга иль врага?» [Явтысый 2007, 34].

Некоторые традиционные представления ненецкого народа в редуцированной форме проявлены в стихотворении «Замолчавший бубен» – о смерти шамана: подчеркивается его роль как проводника в мир предков. Вновь очевидны «вставки» переводчика, существенно снижающие мифологическую аутентичность и художественное своеобразие лирического высказывания: «В нижний мир легла дорога, / Где бывал он много лет, / Относясь к призванью строго, / От отцовского порога / В мир теней творил свой след. / Предки там его встречали, / Щедро истиной делясь, / Вспоминая вдруг в печали / О своем земной причале – / Порвана давно с ним связь...» [Явтысый 2007, 59]. Одно из своих стихотворений Явтысый посвящает культу огня у ненцев: «Здесь у нас, / Где три четверти года / Спит под снежным покровом природа – / Блеском звезд на серебряном блюде... / Здесь – / Огню поклоняются люди...» [Явтысый, 2007: 49]. В данном случае это пример «отдаленной» мифологии, «закадрового» мифологического фона. Поэт развивает другую сюжетную линию, актуализирует другую ситуацию сопоставления. Люди, поклоняющиеся огню, невзирая на лютые морозы, остаются горячими внутри. Они искренние, гостеприимные, отзываются на несправедливость, всегда придут на помощь.

В своих текстах оперируя целым рядом ненецких номинаций, П. А. Явтысый усиливает этнокультурный контекст произведения. Так, поэт регулярно упоминает главную звезду ненцев – *Нгэрм Нумгы* (Полярная Звезда) [Явтысый 2007, 59]. В серии текстов приводятся ненецкие названия предметных реалий, различных человеческих ипостасей (*аргиш, макодан, тынзей, ясавэй* и др.).

Образная основа художественного мира Прокопия Явтысого – это природные символы севера: тундра, ее флора и фауна, снега, бури, покрытые льдом реки, сопки, огромное звездное небо. Однако в натуралистических стихотворениях нет богатой, разнообразной образно-изобразительной палитры, им свойственна некоторая «стертость» пейзажа. Автор далек от минималистической живописности, поэтики мазков, прорисовывания оттенков. Складывается ощущение, что иногда ему сложно остановиться: настолько он увлечен лирическим прославлением северных просторов. Нюансы зрительного ему не интересны: его вдохновляет динамика происходящего.

У многих стихотворений Прокопия Явтысого фактографическая природа, что особенно характерно для текстов, сюжетно обращенных к жителям тундры, землякам поэта. Интересно, что П. Явтысого нельзя причислить к поэтам-«портретистам»: его герои лишены статичности, они подвижны и своей активностью словно противостоят однообразию долгой зимы. Ненецкий автор обычно «закрывает» лицо, внешность своих стихотворных персонажей от внимания читателя. При этом он убедительно отображает динамику ненецкой повседневности, делится с реципиентом своими поэтично-публицистическими произведениями.

В творчестве П. Явтысого видное место занимает классическая тема времен года, которая нам видится одной из составляющих поэтически изображаемого мира природы. Суровая зима тундры у ненецкого поэта описывается при помощи ярких сравнений, фантастическо-мистических ассоциаций: «В случайных лунных бликах / Лед на Печоре светел. / И ледяная стужа сковала берега. / Как будто волк голодный, / Рвет нюки чума ветер / И мечет очумело в кипящие снега! / Клыки, острее лезвий, / Мех разрывают в клочья! / И, словно в медном чане, / Кипят, кипят снега...» [Явтысый 2007, 33–34]. Зима то принимает человеческое обличье, то обращается в непредсказуемо опасное, рассержено-испуганное животное: «Вновь дрожит и зверь и птица / Там, где властвует сама – / Заполярная Царица, / Беспощадная Зима! / Злобой волчьего оскала / Разрывала в клочья день, / И трубила, и скакала, / Как испуганный олень!» [Явтысый 2007, 56].

Весна – долгожданное время в тундре. Весной другие краски, запахи, звуки: «Вешние воды, разлив голубой, – / Пуночки горло полощут водой. / Ягельный запах – земли аромат, – / Тундровый край будет мохом богат. / Тихо на тропках копытца звенят, – / Важенки в стадо ведут оленят [Явтысый 2007, 86].

Короткое лето, как и весна, – время радости, период насыщенного созерцания, когда нужно успеть проникнуться скромным теплом, запечатлеть краски и запахи тундры: «Вдаль лето спешило и платьем задело / Зеленый кустарник – слегка, невзначай. / Испуганно пуночка в небо взлетела, / Но



сверху увидела всё и запела: / – Пастух, оглядись! / Радость сердцем встречай: / Румянится тундра, / Цветет иван-чай!» [Явтысый 2007, 93].

Прокопий Явтысый не мог не затронуть в своем творчестве тему, связанную с родным народом, этнической идентичностью. Однако это один из его редких тематических блоков. В советское время ненецкий поэт предпочитал обходить «острые углы» проблемы ассимиляции, русификации. И даже в 1990-е – 2000-е годы опасность потери родного языка, национальных духовных миротекстов в целом не становится репрезентативной составляющей художественного реагирования Явтысого. Тем не менее, как человек рефлексирующий, осознающий приближение края бездны, он написал знаковое, риторически убедительное стихотворение «Ненец», напоминающее заговор, заклинание: «Ненец – это значит «человек», / Так друг друга называют люди / На земле отцов. Так было, есть и будет! / Выпадет скорее черный снег, / Чем, забыв свой дом, язык и род / (Если он душою не калека), / Кто-нибудь, при встрече, человека / Как-нибудь иначе назовет» [Явтысый 2002, 100] (пер. А. Преловского). Чувство принадлежности к своей этнической территории нередко сопряжено с «памятью рук», с владением традиционными ненецкими навыками: «Моей земли во мне не рвется нить... / Я сохранил отцовское умение: / Стремительную нарту смастерить, / Найти под снегом пастбище оленье...» [Явтысый 2002, 97]. Для ненецкого поэта свой народ – это, прежде всего, родители, предки. Об этой глубинной духовно-родственной связи написано, на наш взгляд, одно из лучших его стихотворений «Мать. Отец» в переводе Владимира Гордеева как точный, грамотный и сохраняющий интонацию автора:

Мать.
Отец.
Весь род мой древний –
Тишиной уходят в землю,
Красотой уходят в небо,
Добротой уходят к людям,
Памятью уходят в сердце
И живут теперь во мне.
[Явтысый 2002, 99]

В поэзии Прокопия Явтысого не так много ретроспективных сюжетов. Он поэт преимущественно настоящего времени, континуум прошлого лишь изредка становится объектом поэтизации. В пример реализации мемуаристского нарратива можно привести текст «Голубика», в котором зрительный мир воспоминания «открывается» с помощью тактильных и вкусовых ощущений: «Когда беру я голубику, руки / Краснеют от нее, а терпкий вкус / Меня к военным будням возвращает, / И вновь я вижу сверстников своих: / Мы голубику, тронутую стужей, / Берем, она тягуча и горька. / Но нынче это мне напоминает / Вкус дыма, / Бесприютности и детства... / О голубика, сладкий хлеб войны!» [Явтысый 2002, 96] (пер. А. Преловского). Приведенное стихотворение, а точнее – его перевод созданы в «кавафианском» стиле, напоминая тексты раннего Кавафиса (верлибры с привкусом горечи, драматизация действительности).

Прокопий Явтысый, бесспорно, занимает одно из центральных мест в истории ненецкой литературы. Он олицетворяет собой период ее наивысшего расцвета, совпавший с большой волной всесоюзного интереса к национальным литературам. Несмотря на поздний творческий старт, П. Явтысый сумел многопланово выразить себя: его литературное наследие издано и переиздано, стало заметным художественным компонентом межлитературной общности народов Севера. Важно подчеркнуть, что писал он на родном языке: этот выбор в определенной степени контрастирует с доминирующей установкой на двуязычие, принятой у писателей-этнофоров Севера и Дальнего Востока. Ориентированность на ненецкий язык потребовала от автора активности в плане создания русских переводов. Здесь Явтысому не совсем повезло: многие его тексты по-русски звучат иначе, теряя интонации оригинала: исходные образы часто замещены вторичными находками переводчика. П. А. Явтысый – поэт объемных текстов: среди его стихотворений относительно немного лирических миниатюр. Особое место в системе поэтических произведений отводится циклам. В стихах Явтысого встречаются фрагменты соцреалистического стиля, получающие дополнительное риторическое усиление при переводе на русский. На наш взгляд, П. А. Явтысый интересен своим феноменом «стертой визуальности», в некотором роде его художественная оптика – это оптика размытых границ обозримости мира.



В последние годы его поэтические тексты интенсивно исследуются, что свидетельствует о новых гранях признания поэта и литературы, о возрастающем интересе к ним филологического сообщества. У поэтического творчества П. А. Явтысого есть ряд морфологических свойств, характерных для большинства «миноритарных» литератур (моделирование этноландшафта, «открытый» автобиографизм, умеренная обращенность к фольклорно-мифологическому пласту духовной культуры своего народа и др.).

ЛИТЕРАТУРА

- Арзамазов А. А. Реалии развития «миноритарной» литературы (поэзия Николая Курилова) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. Т. 12. Вып. 8. С. 72–76.
- Жулева А. С. Поэтика пространства в ненецкой литературе // История национальных литератур. Перечитывая и переосмысливая. Выпуск V. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 97–153.
- Жулева А. С. Этнологический аспект в исследованиях литератур народов Севера // Вопросы изучения истории национальных литератур. Теория. Методология. Современные аспекты. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 337–366.
- Казакова М. В. Поэтическая география в билингвальной лирике А. И. Мишина (Олега Мишина – Армаса Хийри) 1990-х годов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2018. Т. 12. Вып. 4. С. 44–53.
- Пошатаева А. В. Литературы народов Севера: истоки, становление, развитие. М.: Наука, 1988. 167 с.
- Султанов К. К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2001. 200 с.
- Султанов К. К. От Дома к Миру. Этнонациональная идентичность в литературе и межкультурный диалог. М.: Наука, 2007. 302 с.
- Хазанкович Ю. Г. Фольклорно-эпические традиции в прозе малочисленных народов Севера. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 131 с.
- Явтысый П. А. Бег оленя: Стихи / пер. с ненец. А. Преловского. Архангельск: Сев.-Зап. кн. из-во, 1977. 64 с.
- Явтысый П. А. Взойдет росток души: Стихотворения / пер. с ненец. В. Гордеева. Нарьян-Мар: НОИУУ, 1996. 89 с.
- Явтысый П. А. Избранное: Стихотворения. Нарьян-Мар: ОГУ "ЭКЦ НАО", 2007. 112 с.
- Явтысый П. А. Мюсерма неда = Дороги кочевий: Стихи на ненецком языке. Ленинград: Просвещение, 1991. 143 с.
- Явтысый П. Поэзия народов Крайнего Севера и Дальнего Востока России. М.: Северные просторы, 2002. С. 96–100.
- Aulestia G. Improvisational Poetry From The Basque Country (The Basque Series). Reno: University of Nevada Press, 1995. 272 p.
- Aulestia G. Poetry and Politics: Basque Poetry as an Instrument of National Revival // World Literature Today. 1982. Vol. 56. № 3. P. 457–465.
- Carrillo F. Literatura Quechua Clásica: Enciclopedia Histórica de la Literatura Peruana, 1. Lima: Editorial Horizonte, 1986. 162 p.
- Deleuze G., Guattari F. Kafka: Toward a Minor Literature. Trans. Dana Polan. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 136 p.
- Espino R. G. Imágenes de la inclusion andina: Literatura peruana del XIX. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1999. 118 p.
- Webster A. K. Coyote Poems: Navajo poetry, Intertextuality, and Language choice // American Indian Culture and research journal. 2004. Vol. 28. № 4. P. 69–91.

Поступила в редакцию 21.08.2019

Арзамазов Алексей Андреевич,
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН,
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: arzami@rambler.ru



A. A. Arzamazov

WAYS OF DEVELOPMENT OF "MINORITY" LITERATURE:
POETRY BY NENETS PROKOPIY YAVTYSY

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-4-623-632

The study of the manifold ethnocultural heritage of Russia is one of the paramount tasks, potentially the most important area of Russian humanities. At the same time, the literary traditions of the peoples of our country, representing a unique civilizational integrity, spiritual wealth, are of significant scientific interest. Focusing on the problems of the development of "minority" literature and the contexts of its updating, it must be emphasized that this is a complex and theoretically insufficiently comprehended artistic and aesthetic, ethnopsychological, linguistic phenomenon. It should be recognized that at present there is a need for fundamental comparative studies and the development of new approaches to the study of close and distant cultures, literature, and models of the world.

The article discusses the realities of the development of a separate "minority" literature at the turn of the twentieth and twenty-first centuries on the example of poetic texts by the Nenets poet Prokopiyy Yavtysy. A brief description of the main stages of the formation of the Nenets literature is given, a number of its key features that are important for heterogeneous typological, comparative studies are highlighted. P. Yavtysy's work represents a set of artistic features and codes of expressiveness that are common to many literary traditions of the native minorities of the Far North, Siberia, and the Far East, and there are also separate stadial and typological correspondences with Finno-Ugric literature of Russia. The main poetic methods and contexts of Yavtysy's poems are established, the most representative figurative and symbolic strata, plot and situational blocks are determined, the linguistic and poetic component is interpreted. The deep genetic connection of the poetic system of the Nenets author with the folklore and mythological ideas of the Nenets is emphasized. The question of the influence of socialist realism on the artistic rhetoric of P. Yavtysy is raised. In the article, a separate place is occupied by the problem of translating the works by the Nenets author into Russian.

Keywords: "minority" literature, Nenets poetry, traditional culture, stage-typological parallels, comparative studies, figurative system, motive, lyrical subject, literary translation, world view, folklore-mythological symbols, ethnological landscape, poetic expressiveness, visual phenomenon, socialist realism, naivety.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 4, pp. 623–632. In Russian.

REFERENCES

- Arzamazov A. A.** Realii razvitiya "minoritarnoi" literatury (poeziya Nikolaya Kurilova) [The realities of the development of "minority" literature (poetry of Nikolai Kurilov)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice], 2019, Vol. 12, Issue 8, pp. 72–76. In Russian.
- Zhuleva A. S.** Poetika prostranstva v nenetskoj literature [The poetics of space in the Nenets literature]. *Istoriya natsional'nykh literatur. Perechityvaya i pereosmyslivaya. Vypusk V.* [History of national literature. Rereading and rethinking]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015, Issue 5, pp. 97–153. In Russian.
- Zhuleva A. S.** Etnologicheskii aspekt v issledovaniyakh literatur narodov Severa [An ethnological aspect in the literary studies of the peoples of the North]. *Voprosy izucheniya istorii natsional'nykh literatur. Teoriya. Metodologiya. Sovremennye aspekty* [Questions of studying the history of national literatures. Theory. Methodology. Modern aspects]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2014, pp. 337–366. In Russian.
- Kazakova M. V.** Poeticheskaya geografiya v bilingval'noi lirike A. I. Mishina (Olega Mishina – Armasa Khiiri) 1990-kh godov [Poetic geography in the bilingual lyrics by A. I. Mishin (Oleg Mishin – Armas Hiyri) in the 1990s]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2018, Vol. 12, Issue 4, pp. 44–53.
- Poshataeva A. V.** Literaturnyye narody Severa: istoki, stanovlenie, razvitiye [Literature of the peoples of the North: origins, formation, development]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 167 p. In Russian.
- Sultanov K. K.** Natsional'noe samosoznanie i tsennostnye orientatsii literatury [National identity and value orientations of literature]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2001. 200 p. In Russian.
- Sultanov K. K.** Ot Doma k Miru. Etnonatsional'naya identichnost' v literature i mezhhkul'turnyi dialog [From home to the world. Ethno-national identity in literature and intercultural dialogue]. Moscow, Nauka Publ., 2007. 302 p. In Russian.
- Khazankovich Yu. G.** Fol'klorno-epicheskie traditsii v proze malochislennykh narodov Severa [Folklore-epic traditions in prose of the small peoples of the North]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN Publ., 2009. 131 p. In Russian.
- Yavtysy P. A.** Beg olenya: Stikhi / per. s nenets. A. Prelovskogo [Deer run: Poems / translated from the Nenets language by A. Prelovsky]. Arkhangelsk, Sev.-Zap. kn. iz-vo Publ., 1977. 64 p. In Russian.
- Yavtysy P. A.** Vzoidet rostok dushi: stikhotvoreniya / per. s nenets. V. Gordeeva [The sprout of the soul will rise: Poems / translated from the Nenets language by V. Gordeev]. Naryan-Mar, NOIUU Publ., 1996. 89 p. In Russian.



Yavtysyi P. A. Izbrannoe: Stikhotvoreniya [Selected poems]. Naryan-Mar: OGU "EKTs NAO" Publ., 2007. 112 p. In Russian and in Nenets.

Yavtysyi P. A. Myuserma neda=Dorogi kochevii: stikhi na nenetskom yazyke [Myuserma Neda = Roads of nomads: Poems in the Nenets language]. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 1991. 143s. In Nenets.

Yavtysyi P. *Poeziya narodov Krainego Severa i Dal'nego Vostoka Rossii* [Poetry of the peoples of the Far North and the Far East of Russia]. Moscow, Severnye prostory Publ., 2002, pp. 96–100. In Russian.

Aulestia G. Improvisational Poetry From The Basque Country (The Basque Series). Reno: University of Nevada Press, 1995. 272 p. In English.

Aulestia G. Poetry and Politics: Basque Poetry as an Instrument of National Revival – World Literature Today, 1982, vol. 56, no. 3, pp. 457–465. In English.

Carrillo F. Literatura Quechua Clásica: Enciclopedia Histórica de la Literatura Peruana, 1. Lima: Editorial Horizonte, 1986. 162 p. In Spanish.

Deleuze G., Guattari F. Kafka: Toward a Minor Literature. Trans. Dana Polan. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1986. 136 p. In English.

Espino R. G. Imágenes de la inclusión andina: Literatura peruana del XIX. Lima: Universidad Nacional Mayor de San Marcos, 1999. 118 p. In Spanish.

Webster A. K. Coyote Poems: Navajo poetry, Intertextuality, and Language choice – American Indian Culture and research journal, 2004, vol. 28, no. 4, pp. 69–91. In English.

Received 21.08.2019

Arzamazov Alexey Andreevich,
Doctor of Philology, Leading Researcher
Udmurt Institute of History, Language and Literature
Udmurt Federal Research Center of UB RAS
4, ul. Lomonosova, Izhevsk, 426004, Russian Federation
E-mail: arzami@rambler.ru